

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В УЗБЕКИСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Нуриддинов Сайидрахматуллохон Шухратхужа угли

Студент магистратуры ТГЮУ.

<https://doi.org/10.5281/zenodo.20533128>

Аннотация. В статье проводится исчерпывающий концептуальный и формально-юридический анализ институциональных и правовых основы функционирования электронного правительства в Республике Узбекистан. Установлено, что на фоне масштабной цифровой трансформации государственного управления, инициированной Стратегией «Цифровой Узбекистан – 2030», действующий нормативный каркас, ядром которого выступает Закон Республики Узбекистан «Об электронном правительстве» (ЗРУ-395), демонстрирует признаки отставания от объективных потребностей технологического развития. Выявлены фундаментальные концептуальные проблемы правоприменения: отсутствие нормативного закрепления принципа «однократности ввода данных» (*once-only*), порождающее межведомственное дублирование; нарастающие правовые коллизии между императивными требованиями локализации персональных данных (в свете новейшего Закона № ЗРУ-1125 от 26.03.2026 г.) и архитектурой трансграничных облачных вычислений; а также правовой вакуум в сфере алгоритмического администрирования и использования систем искусственного интеллекта (ИИ) при оказании государственных услуг. Охарактеризованы и критически осмыслены передовые зарубежные практики — децентрализованная правовая модель обмена данными Эстонии (*X-Road*, Закон о публичной информации) и централизованная модель проактивного государственного управления Южной Кореи (Закон об электронном правительстве). Оценено соответствие национальной правовой базы международным стандартам интероперабельности и защиты данных. На основе проведенного исследования сформулированы развернутые, постатейные предложения по внесению изменений и дополнений в законодательство Республики Узбекистан, направленные на переход от парадигмы реактивного электронного документооборота к концепции проактивного цифрового государственного администрирования.

Ключевые слова: электронное правительство, цифровизация государственного управления, принцип однократности, *once-only*, защита персональных данных, алгоритмическое управление, искусственный интеллект, интероперабельность, административное право, *X-Road*, цифровой суверенитет.

ЎЗБЕКИСТОНДА ЭЛЕКТРОН ҲУКУМАТНИ ҲУҚУҚИЙ ТАРТИБГА СОЛИШ: ЖОРИЙ ЭТИШ МУАММОЛАРИ ВА РИВОЖЛАНИШ ИСТИҚБОЛЛАРИ

Аннотация. Мақолада Ўзбекистон Республикасида электрон ҳукумат фаолиятининг институционал ва ҳуқуқий асослари бўйича кенг қамровли концептуал ҳамда расмий-ҳуқуқий таҳлил ўтказилган. Аниқланишича, «Рақамли Ўзбекистон – 2030» стратегияси доирасида давлат бошқарувини кенг қўламли рақамли трансформация қилиш фонида Ўзбекистон Республикасининг «Электрон ҳукумат тўғрисида»ги Қонуни (ЎРҚ-395) негизини ташиқил этувчи амалдаги меъерий-ҳуқуқий база технологик тараққиётнинг объектив эҳтиёжларидан ортда қолиш белгиларини намоён этмоқда.

Хуқуқни қўллашда фундаментал концептуал муаммолар аниқланди: идоралараро такрорланишини келтириб чиқарадиган «маълумотларни бир марта киритиши» (once-only) тамойилининг меъърий жиҳатдан мустаҳкамланмаганлиги; шахсга доир маълумотларни маҳаллийлаштириши бўйича императив талаблар (2026 йил 26 мартдаги ЎРҚ-1125-сонли янги Қонун нуқтаи назаридан) ва трансчегаравий булутли ҳисоблаш архитектураси ўртасидаги тобора ўсиб бораётган ҳуқуқий зиддиятлар; шунингдек, давлат хизматларини кўрсатишида алгоритмик бошқарув ҳамда сунъий интеллект (СИ) тизимларидан фойдаланиши соҳасидаги ҳуқуқий бўшлиқ (вакуум).

Илгор хорижий тажрибалар — Эстониянинг маълумотлар алмашишининг марказлаштирилмаган ҳуқуқий модели (X-Road, «Оммавий ахборот тўғрисида»ги қонун) ва Жанубий Кореянинг проактив давлат бошқарувининг марказлаштирилган модели («Электрон ҳуқумат тўғрисида»ги қонун) тавсифланиб, танқидий жиҳатдан таҳлил қилинди. Миллий ҳуқуқий базанинг ўзаро мувофиқлик (интероперабеллик) ва маълумотларни ҳимоя қилиши бўйича халқаро стандартларга мослиги баҳоланди. Ўтказилган тадқиқот асосида Ўзбекистон Республикаси қонунчилигига реактив электрон ҳужжат айланиши парадигмасидан проактив рақамли давлат бошқаруви концепциясига ўтишига қаратилган батафсил, моддама-модда ўзгартириши ва қўшимчалар киритиши бўйича таклифлар ишлаб чиқилди.

Калим сўзлар: электрон ҳуқумат, давлат бошқарувини рақамлаштириши, бир марталик тамойил, once-only, шахсга доир маълумотларни ҳимоя қилиши, алгоритмик бошқарув, сунъий интеллект, ўзаро мувофиқлик, маъмурий ҳуқуқ, X-Road, рақамли суверенитет.

LEGAL REGULATION OF E-GOVERNMENT IN UZBEKISTAN: IMPLEMENTATION PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract. This article provides an exhaustive conceptual and formal-legal analysis of the institutional and legal foundations of e-government in the Republic of Uzbekistan. The study establishes that amid the large-scale digital transformation initiated by the "Digital Uzbekistan - 2030" Strategy, the current regulatory framework, centered around the Law of the Republic of Uzbekistan "On E-Government" (ZRU-395), demonstrates signs of lagging behind the objective needs of technological advancement. Fundamental conceptual issues in legal application are identified: the absence of statutory codification of the "once-only" data entry principle, leading to interdepartmental duplication; growing legal conflicts between the imperative requirements for personal data localization (in light of the latest Law No. ZRU-1125 dated 26.03.2026) and the architecture of cross-border cloud computing; as well as a legal vacuum in algorithmic administration and the use of artificial intelligence (AI) systems in public service delivery. The study characterizes and critically evaluates advanced foreign practices—the decentralized legal model of data exchange in Estonia (X-Road, Public Information Act) and the centralized proactive public administration model in South Korea (Electronic Government Act). The compliance of the national legal framework with international interoperability and data protection standards is assessed. Based on the research, detailed, article-by-article proposals are formulated for amending the legislation of the Republic of Uzbekistan, aimed at transitioning from the paradigm

of reactive electronic document management to the concept of proactive digital public administration.

Keywords: *e-government, digitalization of public administration, once-only principle, personal data protection, algorithmic governance, artificial intelligence, interoperability, administrative law, X-Road, digital sovereignty.*

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в первой четверти XXI века оказало глубокое трансформирующее воздействие на институциональные основы государства, инициировав глобальный переход от традиционных бюрократических моделей к концепции электронного правительства (e-government). В условиях формирования цифровой экономики электронное правительство перестает быть исключительно совокупностью веб-порталов для оказания электронных услуг, эволюционируя в сложную, алгоритмизированную экосистему межведомственного взаимодействия, основанную на непрерывном обмене большими массивами данных (data-driven government).

Для Республики Узбекистан построение эффективного и прозрачного электронного правительства выступает не просто технологической задачей, но стратегическим вектором государственного строительства, направленным на дебюрократизацию, минимизацию коррупциогенных факторов и обеспечение качественно нового уровня взаимодействия между государством (G2G), гражданами (G2C) и бизнес-сообществом (G2B) [1]. Масштабная цифровая трансформация государственного управления в республике получила мощный импульс с принятием Указа Президента Республики Узбекистан от 05.10.2020 г. № УП-6079, которым была утверждена Стратегия «Цифровой Узбекистан — 2030» [2]. Данный документ заложил концептуальные основы для цифровизации приоритетных отраслей экономики и регионов, предусматривая внедрение сотен информационных систем и программных продуктов для автоматизации управленческих процессов [3].

Несмотря на очевидные практические достижения, выражающиеся в успешном функционировании Единого портала интерактивных государственных услуг (ЕПИГУ), внедрении электронных цифровых подписей (ЭЦП) и системы межведомственного электронного взаимодействия, правовое регулирование данных процессов сталкивается с серьезными вызовами [4]. Динамика технологического прогресса, включающая внедрение облачных вычислений, блокчейн-инфраструктуры, аналитики больших данных и систем искусственного интеллекта, объективно опережает темпы адаптации национального административного законодательства [5]. Действующий нормативный каркас, базирующийся на Законе Республики Узбекистан «Об электронном правительстве» 2015 года, сохраняет черты парадигмы «электронного документооборота», в то время как передовые юрисдикции уже перешли к этапу «проактивного алгоритмического администрирования» [6].

Особую остроту приобретает проблематика обеспечения так называемого «цифрового суверенитета» в контексте защиты персональных данных граждан.

Принятие Закона Республики Узбекистан от 26.03.2026 г. № ЗРУ-1125, установившего жесткие императивные требования по локализации биометрических, генетических данных и данных пользователей телекоммуникационных услуг исключительно на территории республики, кардинально изменило правовой ландшафт [7].

Это актуализирует необходимость поиска баланса между требованиями национальной безопасности и объективными потребностями трансграничного информационного обмена.

В отечественной юридической и политологической науке проблематика развития электронного правительства рассматривалась в трудах ряда исследователей. В частности, Н.Р. Рахимов и М.М. Мухаммадиев исследовали основные проблемы и направления построения электронного правительства, анализируя модели информатизации общества в развитых странах [8]. Правовые аспекты информационных отношений и принципы открытости исследовались в контексте общей информатизации экономики.

Международные организации (ПРООН, ОЭСР) также проводили оценку готовности цифровой инфраструктуры Узбекистана, указывая на наличие базового нормативного каркаса, но отмечая необходимость консолидации законодательства о кибербезопасности и гармонизации отраслевых норм [9]. Однако комплексного, фундаментального юридического исследования, посвященного анализу новейших изменений законодательства (включая акты 2026 года), оценке правовых барьеров интероперабельности и внедрения принципа *once-only* применительно к Узбекистану, до настоящего времени не проводилось.

Цель настоящего исследования заключается в осуществлении всесторонней характеристики современного состояния правового регулирования электронного правительства в Республике Узбекистан, выявлении концептуальных пробелов и коллизий в действующем законодательстве на основе сравнительно-правового анализа с передовым зарубежным опытом, а также в разработке конкретных научно обоснованных предложений по модернизации правового каркаса цифрового государственного администрирования.

Достижение поставленной цели обусловило использование комплексного методологического инструментария, базирующегося на общенаучных и частнонаучных методах познания. Философскую основу исследования составил диалектический метод, позволивший рассмотреть процесс цифровизации государственного управления в его непрерывном развитии, выявляя противоречия между инновационной технологической формой (искусственный интеллект, распределенные реестры) и консервативным правовым содержанием.

Формально-юридический (догматический) метод применялся для детального текстологического анализа нормативно-правовой базы: Закона Республики Узбекистан «Об электронном правительстве» от 09.12.2015 г. № ЗРУ-395, Закона «О персональных данных» в редакции Закона от 26.03.2026 г. № ЗРУ-1125, Стратегии «Цифровой Узбекистан — 2030», а также подзаконных актов Кабинета Министров, определяющих полномочия государственных органов в информационной сфере.

Сравнительно-правовой метод (компаративистика) позволил сопоставить узбекистанскую модель правового регулирования с юрисдикциями, занимающими лидирующие позиции в индексе развития электронного правительства ООН (EGDI).

Особое внимание было уделено правовым режимам Эстонии (Закон о публичной информации, регулирование системы X-Road, принцип once-only) и Республики Корея (Закон об электронном правительстве в редакциях 2001, 2021 и 2024 годов, правовой статус ИИ в административных процедурах) [10].

Системно-структурный метод использовался для выявления внутренних взаимосвязей между различными элементами информационного законодательства, оценки влияния новых норм о локализации данных на архитектуру межведомственного электронного взаимодействия, а также для конструирования целостной модели правового регулирования, интегрирующей принципы административного права, права на приватность (privacy) и технологические стандарты интероперабельности [11].

В теории административного права цели и принципы института определяют вектор развития всей правоприменительной практики. Согласно статье 4 Закона № ЗРУ-395, императивными задачами электронного правительства являются: обеспечение эффективности, оперативности и прозрачности деятельности государственных органов; усиление их ответственности и исполнительской дисциплины; создание дополнительных механизмов обеспечения обратной связи с населением и субъектами предпринимательства [12].

Особое доктринальное значение имеет статья 5 указанного Закона, исчерпывающе определяющая основные правовые принципы электронного правительства. Анализ данных принципов позволяет оценить степень концептуальной зрелости национальной модели:

1. **Открытость и прозрачность деятельности государственных органов:** данный принцип корреспондирует с конституционным правом на доступ к информации и реализуется через порталы открытых данных, однако его практическая реализация зачастую наталкивается на ведомственные барьеры секретности.

2. **Равный доступ заявителей к электронным государственным услугам:** направлен на преодоление так называемого «цифрового разрыва» (digital divide).

3. **Оказание электронных государственных услуг по принципу «одно окно»:** технологически реализовано через ЕПИГУ, однако юридически «одно окно» не тождественно принципу «однократности» (once-only), о чем будет подробно сказано ниже.

4. **Унификация документов государственных органов и использование единых идентификаторов:** данный принцип является краеугольным камнем интероперабельности.

Внедрение единых идентификаторов (персонального идентификационного номера физического лица — ПИНФЛ, а также идентификаторов юридических лиц и недвижимости) создает базис для связывания баз данных [13].

В соответствии со статьей 14 Закона № ЗРУ-395, Кабинет Министров Республики Узбекистан наделен широчайшими дискреционными полномочиями в данной сфере: он обеспечивает реализацию единой государственной политики, утверждает государственные программы и координирует деятельность ведомств. Институциональная структура была существенно усилена Указом Президента № УП-6079, которым была образована межведомственная Координационная комиссия по реализации Стратегии «Цифровой Узбекистан — 2030».

Более того, с ноября 2020 года нормативно закреплена должность заместителя руководителя по цифровизации (Chief Digital Officer — CDO) во всех министерствах, ведомствах и органах исполнительной власти на местах, что свидетельствует о внедрении элементов корпоративного управления в государственный сектор [14].

Правовой механизм реализации Закона обеспечивается программными документами.

Стратегия «Цифровой Узбекистан — 2030» предусматривает четыре магистральных направления, каждое из которых требует специфического правового сопровождения:

- **Развитие электронного правительства:** включает масштабное внедрение E-ID карт для сотрудников государственных органов, перевод в цифровую форму сотен услуг.

- **Развитие цифровой индустрии:** правовое стимулирование создания технопарков, предоставление налоговых преференций резидентам, занимающимся экспортом IT-услуг, хранением и обработкой данных.

- **Развитие цифрового образования и инфраструктуры:** обеспечение широкополосного доступа в интернет для каждого населенного пункта и компенсация затрат на международные IT-сертификаты.

Правовая система также включает Реестр базовых справочников и классификаторов электронного правительства (www.reestr.uz). Формирование, хранение и актуализация этих классификаторов на основе единых требований обеспечивает межведомственное электронное сотрудничество [15].

Для объективной оценки зрелости национальной правовой базы электронного правительства необходимо провести компаративистский анализ с юрисдикциями, демонстрирующими высочайшие показатели в Индексе развития электронного правительства ООН (EGDI). Наиболее релевантными представляются правовые модели Эстонии (пионера децентрализованной архитектуры и принципа «once-only») и Южной Кореи (лидера в сфере алгоритмического администрирования и интеграции искусственного интеллекта).

Эффект от правоприменения принципа once-only колоссален. Согласно статистике, использование X-Road и отсутствие необходимости дублировать данные экономит гражданам Эстонии более 1345 лет рабочего времени ежегодно, а время заполнения электронной налоговой декларации, в которую автоматически подгружаются данные из всех зарплатных и банковских реестров, сократилось до 5 минут [16]. При этом доверие граждан обеспечивается абсолютной прозрачностью: через портал электронного правительства (Data Tracker) гражданин видит, какое именно ведомство, когда и на каком законном основании запрашивало его данные. Все логи доступа защищены технологией блокчейн (KSI Blockchain), исключающей возможность их ретроспективного изменения коррумпированными чиновниками [17]. Опыт Эстонии также показывает высокую способность модели к масштабированию: система X-Road была успешно экспортирована и внедрена в Финляндии, Исландии и ряде других стран, обеспечивая транснациональный обмен данными между бизнес-реестрами разных государств без изменения национального законодательства [18].

В отличие от децентрализованной Эстонии, Южная Корея демонстрирует эффективность централизованной модели управления цифровизацией, основанной на строгой иерархии и системном обновлении законодательства.

Правовым стержнем здесь выступает Закон об электронном правительстве (Electronic Government Act), первоначально принятый в 2001 году [19]. Именно этот акт заложил правовые основы для форсированного развития цифровых услуг, выведя страну на первые строчки рейтингов ООН.

Ключевая роль в корейской модели отведена единому координирующему органу — Министерству внутренних дел и безопасности (MOIS). С каждой новой редакцией Закона полномочия MOIS последовательно расширялись [20]. Так, поправки 2007 года институционализировали Совет главных IT-директоров министерств (CIOs) и ввели норму об обязательных предварительных консультациях с MOIS по всем государственным цифровым проектам [21]. Это позволило жестко пресечь ведомственный сепаратизм. Более того, законодатель понимал, что чиновники, привыкшие к бумажному документообороту, будут сопротивляться инновациям, поэтому Закон и сопутствующие программы прямо обязали госслужащих проходить регулярное обучение компьютерной грамотности [22].

Особый интерес для Узбекистана представляет южнокорейский опыт правового стимулирования перехода на облачные технологии (Cloud Computing). Корейское правительство осознало, что содержание разрозненных серверных комнат в каждом министерстве экономически нецелесообразно и небезопасно, поэтому законодательство было изменено с целью поощрения размещения государственных информационных систем в защищенных государственных и гибридных облаках [23]. Стратегия трансформации также включает в себя адаптацию правовой базы для охвата новых категорий цифровых прав, вопросов алгоритмической этики и обеспечения инклюзивности онлайн-услуг для уязвимых слоев населения.

Учитывая масштабы выявленных проблем и опираясь на успешно апробированные модели Эстонии и Республики Корея, назрела объективная необходимость комплексной модернизации правового каркаса электронного правительства Узбекистана. Частичные поправки не способны решить концептуальных противоречий; необходим переход к модели Data-Driven Government, закрепленной на уровне закона прямого действия.

В связи с этим предлагается внести следующие системные изменения и дополнения в законодательство:

1. Дополнить статью 5 Закона Республики Узбекистан «Об электронном правительстве» (Основные принципы) новым абзацем следующего содержания: «однократность предоставления информации (once-only) — освобождение физических и юридических лиц от обязанности предоставлять государственным органам документы, справки и сведения, которые уже находятся в распоряжении иных государственных информационных систем и базовых реестров»;

2. Ввести в Закон № ЗРУ-395 новую статью 15-1 «Запрет на дублирующее формирование данных», изложив ее в следующей редакции: «Государственным органам, органам хозяйственного управления и органам государственной власти на местах категорически запрещается создавать и эксплуатировать отдельные информационные

системы и базы данных для сбора и хранения информации, ведение которой законодательно закреплено за иными базовыми государственными реестрами.

Необходимые сведения должны запрашиваться исключительно в автоматизированном режиме через межведомственную интеграционную платформу электронного правительства».

3. Дополнить Закон № ЗРУ-395 понятийным аппаратом (статья 3), введя дефиниции: «автоматизированное административное решение» и «алгоритмическая система поддержки принятия решений».

4. Законодательно закрепить в Законе «Об электронном правительстве» создание на базе ЕПИГУ функционала «Персональный трекер данных» (**Data Tracker**).

5. Ужесточить ответственность (в статье 32 Закона ЗРУ-395), дополнив Уголовный кодекс РУз статьей, предусматривающей строгие санкции за несанкционированный запрос и использование должностными лицами данных граждан из систем электронного правительства в личных или коммерческих целях.

Проведенное исследование институциональных и нормативно-правовых основ электронного правительства в Республике Узбекистан позволяет констатировать, что страна преодолела первоначальный этап информатизации государственного аппарата.

Фундамент, заложенный Законом Республики Узбекистан «Об электронном правительстве» 2015 года и развитый Стратегией «Цифровой Узбекистан — 2030», позволил создать базовую цифровую инфраструктуру, внедрить электронные услуги и повысить прозрачность административных процедур.

Вместе с тем, сравнительно-правовой анализ с моделями юрисдикций-лидеров (Эстонии и Южной Кореи) демонстрирует, что для перехода на следующий эволюционный уровень — к интеллектуальному проактивному правительству, основанному на данных (*data-driven government*), — текущего правового инструментария категорически недостаточно. Выявленные концептуальные пробелы создают серьезные риски для дальнейшего устойчивого развития цифровой экосистемы. Отсутствие в законодательстве императивного принципа однократности (*once-only*) и запрета на ведомственное дублирование баз данных консервирует бюрократические издержки и снижает качество информации. Новейшие жесткие нормы Закона № ЗРУ-1125 2026 года в сфере локализации биометрических и телекоммуникационных данных ставят архисложную задачу по ускоренному формированию суверенной облачной инфраструктуры, без которой цифровизация рискует затормозиться. Наконец, правовой вакуум в регулировании алгоритмического администрирования и искусственного интеллекта несет прямую угрозу правам и законным интересам граждан.

Международный опыт убедительно доказывает: успех цифровизации государственного управления определяется не столько объемами финансовых инвестиций в закупку аппаратного обеспечения, сколько политической волей к радикальному реинжинирингу административно-правовых отношений. Технологии X-Road в Эстонии или повсеместное использование ИИ в Корее стали возможными лишь потому, что они были поддержаны мощным, детально проработанным и императивным законодательством.

Реализация предложенных в данном исследовании мер — прежде всего, инкорпорация принципа once-only, формализация статуса межведомственной интеграционной платформы, создание правовых гарантий при использовании алгоритмических систем принятия решений и внедрение механизмов абсолютной прозрачности использования данных (Data Tracker) — позволит преодолеть существующие нормативные барьеры. Комплексная модернизация Закона «Об электронном правительстве» и смежных актов на основе предложенной модели обеспечит трансформацию электронного правительства Узбекистана из инструмента автоматизации бумажной рутины в высокоэффективную, безопасную и ориентированную на человека цифровую экосистему, полностью отвечающую вызовам XXI века и принципам верховенства права.

Список использованной литературы:

1. United Nations. (2024). E-Government Survey 2024: Digital Government Ranking Report.
2. Рахимов Н.Р., Мухаммадиев М.М. Основные проблемы и возможные направления построения электронного правительства в Узбекистане // Экономика и социум. 2018.
3. Постановление Президента Республики Узбекистан от 17.02.2021 г. № ПП-4996 «О мерах по созданию условий для ускоренного внедрения технологий искусственного интеллекта».
4. Закон Республики Узбекистан от 09.12.2015 г. № ЗРУ-395 «Об электронном правительстве» (Статья 5. Основные принципы электронного правительства).
5. UNDP. (2025). Digital Economy and E-Government Development in Uzbekistan.
6. Указ Президента Республики Узбекистан от 05.10.2020 г. № УП-6079 «Об утверждении Стратегии "Цифровой Узбекистан — 2030" и мерах по ее эффективной реализации».
7. Кабинет Министров Республики Узбекистан. Реестр базовых справочников и классификаторов электронного правительства (www.reestr.uz).
8. OECD. (2024). Digital skills for private sector competitiveness in Uzbekistan: Digital Uzbekistan-2030 Strategy.
9. Закон Республики Узбекистан от 15.04.2022 г. № ЗРУ-764 «О кибербезопасности» и нормативно-правовые акты о защите критической информационной инфраструктуры.
10. Ministry of the Interior and Safety (MOIS). Electronic Government Act of the Republic of Korea (с изменениями 2007 и 2021 гг.).
11. Закон Республики Узбекистан от 09.12.2015 г. № ЗРУ-395 «Об электронном правительстве» (Национальная база данных законодательства Lex.uz).
12. Digital Government Act of the Republic of Korea (2024 update: переход к принципу digital-by-default).
13. E-Estonia. Privacy and Trust: KSI Blockchain implementation in Digital Governance.
14. Закон Республики Узбекистан от 26.03.2026 г. № ЗРУ-1125 «О внесении изменений и дополнения в Закон Республики Узбекистан "О персональных данных"».

15. Закон Республики Узбекистан от 02.07.2019 г. № ЗРУ-547 «О персональных данных» (в редакции Закона Республики Узбекистан от 26.03.2026 г. № ЗРУ-1125).
16. Electronic Government and Information Relations. Правовые аспекты информационных отношений и принципов открытости // ResearchGate.
17. Закон Республики Узбекистан от 09.12.2015 г. № ЗРУ-395 «Об электронном правительстве» (Статья 14. Полномочия Кабинета Министров).
18. Public Information Act of Estonia (Avaliku teabe seadus).
19. E-Governance Academy (Estonia). X-Road Governance Model: Legal and institutional framework.
20. The Once-Only Principle in Estonia: Data Protection Inspectorate guidelines and legal bans on duplicating databases.
21. Electronic Government Act of the Republic of Korea (принят в 2001 г.).
22. Article 4 (Principles of Electronic Government), Electronic Government Act of the Republic of Korea.
23. Закон Республики Узбекистан от 09.12.2015 г. № ЗРУ-395 «Об электронном правительстве» (Статья 4. Основные задачи).